

Сказка Туве Янссон

" Опасное лето "

Глава седьмая

Об опасностях, которые грозят в ночь летнего солнцестояния

День летнего солнцестояния был на исходе. В половине одиннадцатого вечера Снусмумрик кончил строить шалаш из еловых веток для своих двадцати четырех малышей. В то же самое время на другом конце леса Муми-тролль и фрекен Снорк замерли на месте, прислушиваясь.

Колокольчик, звеневший в тумане, умолк. Лес спал, а маленький домик печально смотрел на них своими черными окошками.

В домике сидела Филифьонка и слушала, как тикали часы; время шло. Иногда она подходила к окну и вглядывалась в светлую ночь, и тогда колокольчик, украшавший кончик ее колпачка, позвякивал. Обычно звон колокольчика подбадривал Филифьонку, но нынешним вечером он только усиливал ее тоску. Она тяжело вздыхала, ходила взад и вперед, садилась и снова вставала.

Она поставила на стол тарелки, три стакана и букет цветов, а на плите стоял кекс, совершенно почерневший от ожидания.

Филифьонка взглянула на часы и гирлянды листьев над дверью, потом посмотрела на себя в зеркало, оперлась руками о стол и заплакала. Колпачок съехал ей на лоб, так что колокольчик звякнул (всего один печальный звук), и слезы медленно закапали в пустую тарелку.

Не всегда легко быть Филифьонкой.

И вот тогда кто-то постучал в дверь.

Филифьонка встрепелась, вытерла слезы и открыла дверь.

– О... – разочарованно протянула она.

– С праздником, с Ивановым днем! – сказала фрекен Снорк.

– Спасибо, – смущенно ответила Филифьонка. – Спасибо, вы очень любезны. Доброго и вам праздника!

– Мы зашли только спросить об одном доме, вернее, не появлялся ли здесь в последнее время некий театр? – спросил Муми-тролль.

– Театр? – подозрительно переспросила Филифьонка. – Нет, наоборот, ничего похожего...

Наступило молчание.

– Ну тогда мы пошли, – сказал Муми-тролль.

Фрекен Снорк взглянула на накрытый стол и на гирлянды над дверью.

– Желаем хорошо отпраздновать сегодняшний день, – доброжелательно сказала она.

Тут лицо Филифьонки сморщилось, и она снова расплакалась.

– Не будет никакого праздника, – всхлипывала она. – Пирог сохнет, цветы увядают, время идет, и никто не приходит. Они и в этом году не придут! У них нет никаких родственных чувств!

– Кто не приходит? – сочувственно спросил Муми-тролль.

– Мой дядюшка и его жена! – воскликнула Филифьонка. – Я каждое лето посылаю им открытки с приглашением на праздник летнего солнцестояния, а они все не приходят и не приходят.

– Тогда пригласи кого-нибудь другого, – предложил Муми-тролль.

– А у меня других родственников нет, – ответила Филифьонка. – И разве это не мой долг – приглашать родных на обед в праздничные дни?

– Значит, сама-то ты не находишь в этом удовольствия? – спросила фрекен Снорк.

– Конечно, нет, – устало ответила Филифьонка, присаживаясь к столу. – Мой дядюшка и его жена вовсе не симпатичные.

Муми-тролль и фрекен Снорк присели возле нее.

– Может, им тоже в этом мало радости? – предположила фрекен Снорк. – А вместо них ты не можешь пригласить нас, ведь мы такие симпатичные?!

– Неужели? – удивилась Филифьонка.

Видно было, что она призадумалась.

Вдруг кисточка на ее колпачке приподнялась, и колокольчик весело зазвенел.

– И верно, – медленно сказала она, – совсем необязательно их приглашать, если никому из нас это не доставляет удовольствия. Не правда ли?

– Конечно, необязательно, – поддержала ее фрекен Снорк.

– И никто не огорчится, если я остаток своей жизни буду праздновать с кем захочется? Пусть они мне даже не родственники?

– Никому и в голову не придет огорчиться, – заверил ее Муми-тролль.

И Филифьонка просияла, словно сбросила с души огромную тяжесть.

– И как же все просто, – сказала она. – И как прекрасно! Теперь мы впервые в моей жизни весело отметим день летнего солнцестояния. И отметим его на славу! Ах, какие вы милые,

какие милые, что придумали такой интересный праздник!

День летнего солнцестояния получился настолько интересный, что Филифьонка и мечтать об этом не могла.

– Выпьем за папу и маму! – произнес Муми-тролль и осушил свой стакан. (Как раз в эту минуту Муми-папа на борту плавучего театра предложил тост за своего сына. "За возвращение Муми-тролля! – торжественно произнес он. – За фрекен Снорк и малютку Мю!")

Все были сыты и довольны.

– А теперь давайте разожжем костер в честь праздника, – предложила Филифьонка.

Она загасила лампу и сунула в карман спички.

Небо было еще такое светлое, что можно было различить каждую былинку на земле. За верхушками елей, куда только что закатилось солнце, замешкалась в ожидании следующего дня алая полоска.

Они побрели через примолкший лес и вышли на заливные луга, где белая ночь была еще светлее.

– Как странно пахнут нынче ночью цветы! – сказала Филифьонка.

Едва ощутимый запах горелой резины тянулся над лугами. Назлектризованная трава потрескивала.

– Пахнет хатифнаттами, – удивленно сказал Муми-тролль. – Но обычно в это время года они уплывают под парусами в морское путешествие. Правда?

Тут фрекен Снорк обо что-то споткнулась.

– "ЗАПРЕЩАЕТСЯ ПРЫГАТЬ!" – прочитала она.

– Какая ерунда! Смотрите, здесь полно табличек, до которых больше никому нет дела.

– Как удивительно, что все разрешается! – воскликнула Филифьонка. – Ну и ночь! А не сжечь ли нам эти таблички? Не устроить ли из них праздничный костер и не поплясать ли вокруг него, пока все не сгорит?

И летний костер запылал! Огонь с ревом набрасывался на таблички с надписями "ЗАПРЕЩАЕТСЯ ПЕТЬ", "ЗАПРЕЩАЕТСЯ СОБИРАТЬ ЦВЕТЫ!", "ЗАПРЕЩАЕТСЯ СИДЕТЬ НА ТРАВЕ!".

Огонь, весело потрескивая, пожирал большие черные буквы, и снопы искр взметались к бледному ночному небу. Густой дым клубами вился над полями и белыми коврами повисал в воздухе. Филифьонка запела. Она разгребала веткой горящие угли и танцевала у костра на своих худущих ногах.

– Никаких дядюшек! Никаких тетюшек! Никогда, никогда! Вимбели-бамбели-бю!

Муми-тролль и фрекен Снорк сидели рядом, любуясь костром.

– Как ты думаешь, что делает в эту минуту моя мама? – спросил Муми-тролль.

– Конечно, празднует, – ответила фрекен Снорк.

Таблички горели, и к небу взлетали фейерверки искр, а Филифьонка кричала:

– Ура!

– Я скоро усну, – признался Муми-тролль. – Значит, нужно собрать девять разных цветочков?

– Девять, – подтвердила фрекен Снорк. – И поклянись, что не произнесешь ни слова.

Муми-тролль торжественно кивнул головой. Он сделал несколько выразительных жестов, означавших "спокойной ночи, увидимся завтра утром", и зашлепал по мокрой от росы траве.

– Я тоже хочу собирать цветы, – сказала Филифьонка. Она выскочила прямо из дыма, вся в саже, но довольная. – Я тоже хочу с вами ворожить. Сколько ты знаешь колдовских заклинаний?

– Я знаю одно страшное колдовство, которым занимаются в ночь летнего солнцестояния, – прошептала фрекен Снорк. – Это колдовство такое страшное, что у него даже нет названия.

– Сегодня ночью я способна на что угодно, – заявила Филифьонка и горделиво зазвенела колокольчиком.

Фрекен Снорк огляделась по сторонам.

Затем она наклонилась вперед я прошептала Филифьонке в самое ухо:

– Сначала надо обернуться семь раз вокруг себя, бормоча заклинание и стуча ногами по земле. Затем надо, птясь, дойти до колодца и заглянуть в него. И тогда можно увидеть в воде своего суженого, ну того, на ком ты женишься!

– А как его оттуда вытащить? – спросила потрясенная Филифьонка.

– Фу ты, там же только его лицо, – пояснила фрекен Снорк. – Лишь его отражение! Но сначала надо собрать девять разных цветочков. Раз, два, три! И если ты скажешь сейчас хоть слово, ты никогда не выйдешь замуж!

Костер медленно угасал, превращаясь в тлеющие угли, над полями начал носиться утренний ветерок, а фрекен Снорк и Филифьонка все собирали свои волшебные букеты. Иногда они поглядывали друг на друга и смеялись, потому что это не запрещалось. Вдруг они увидели колодец.

Филифьонка пошевелила ушами.

Фрекен Снорк кивнула. От страха у нее побелела мордочка.

Они принялись что-то бормотать и выписывать круги, притоптывая ногами. Седьмой круг был самым долгим, потому что теперь им стало по-настоящему жутко. Но если ух начал ворожить в ночь на Иванов день, то надо продолжать, а то еще неизвестно, чем все кончится.

С бьющимся сердцем, птясь, подошли они к колодцу и остановились.

Фрекен Снорк взяла Филифьонку за лапу.

Солнечная полоска на востоке стала шире, а дым от костра окрасился в нежный розовый цвет.

Быстро обернувшись, они поглядели в воду.

Они увидели самих себя, край колодца и посветлевшее небо.

Дрожа, они стали ждать. Они ждали долго.

И вдруг – нет, даже страшно сказать! – вдруг они увидели, как громадная голова вынырнула рядом с их отражением в воде. Голова какого-то хемуля!

То был злой и ужасно уродливый хемуль в полицейской фуражке!

В тот самый миг, когда Муми-тролль срывал свой девятый цветок, он услышал отчаянный крик. Бросившись бежать, он увидел огромного хемуля, который одной лапой тряс фрекен Снорк, а другой – Филифьонку.

– Ну теперь вы все трое угодите в кутузку! – кричал Хемуль. – Поджигатели! Морровы дети! Попробуйте только сказать, что это не вы сорвали все таблички и сожгли их. Попробуйте, если посмеете!

Но этого они, разумеется, не могли сделать. Ведь они поклялись не произносить ни слова!